

"Революции ради юродивая"

(Мария Валентиновна Ватсон)

Прочитал в "Сегодня" о кончине М.В. Ватсон. Откровенно сказать, я уже лет семь почитал ее отошедшею из мира сего в пребывание "со духи праведны". В газетах - ошибкою - было, и опровержений не последовало. А было даже не о смерти, но уже о каком-то безобразии, якобы учиненном беспризорными или иными подсоветскими хулиганами над ее могилою на петербургском Волковом кладбище. Помню, я тогда еще подивился, как же это вышло, что мы, зарубежники, проморгали смерть такой замечательной, единственной в своем роде женщины и узнаем о ней только из заметки о кладбищенских беспорядках? Теперь оказалось - и Марью Валентиновну до срока уморило и похоронило, и на мнимой могиле ее дебоширило репортерское вранье. И только теперь - увы! - действительно "имею честь поздравить вас с новопреставленной!" - как выражается некто в одном из самых мрачных рассказов Бунина. Молодец, старушка! Долго уклонялась от смертной повинности: ведь кумир души ее, царь ее мыслей, друг и дитя ее кроткого сердца, Семен Яковлевич Надсон, умер в 1886 году, а она, пережившая Надсона на полвека, была значительно старше его.

В общественной жизни Петербурга Марья Валентиновна всегда была весьма заметна. Но в преклонных годах своих она уже могла быть смело причислена к достопримечательностям града Петрова, наравне с Адмиралтейскою иглою, Медным всадником, Сфинксами Невской набережной. Ее, можно сказать, уже знатым иностранцам показывали как одну из тех семи праведных душ, без которых, по народной вере, ни один город не стоит. А уж грешному-то предреволюционному Питеру, конечно, не миновать было "провалиться в чухонское болото", что искони и пророчили ему славянофилы.

Не знаю, кого считать вровень с Марьей Валентиновной, остальными шестью петербургскими градоспасительными душами, но она была из праведниц праведница. Настолько, что, когда славянофильское пророчество почти что оправдалось и Питер ухнул если не прямо в "топь блат", то, не лучше, в грязь большевицкой лужи, даже неистовое зверство победителей-ленинистов не дерзнуло посягнуть на почтенные седины "сей остальной из стаи славной"...

А между тем кто в оробелом, порабоженном Петербурге острее и глубже ненавидел большевиков, бесстрашнее, громче, усерднее ругал их - да кабы за глаза, а то ведь прямехонько в глаза? Когда Марья Валентиновна принималась отчитывать большевиков и соглашателей, то близстоящие интеллигенты спешили незаметно рассеяться и улизнуть, дабы не угодить в Чеку уже за одно слышание ее продерзостей. Но обличаемые "кожаные куртки" только улыбались сквозь досаду и конфуз да плечами пожимали:

- Юродивая!

Так Иван Грозный не смел тронуть Василия Блаженного в Москве, бежал в смущении и страхе от Николы Салоса во Пскове, когда святой юрод предложил царю-человекоубийце кусок сырого мяса:

- Пожри, Ивашка, это твоя пища!

Большевики были отчасти правы: Марья Валентиновна была действительно "юродивою". Но не "Христа ради юродивою", а "юродивою революции ради". Эта женщина жила и дышала старинным идеалом некой утопической революции, воображая ее с пафосом типической "семидесятницы", народницы-фанатички, воспитанной на Некрасове, подруги и няни Надсона. Всем нам, юным интеллигентам той эпохи, революция снилась грозною, но прекрасною богинею справедливости, восходящею на баррикады, с красным знаменем в одной руке, с правосудным мечом в другой, pour apporter la deliverance, pour apporter la liberie.

Но

Шли годы. Вихрь страстей мятежный
Рассеял прежние мечты..."

Только не в Марье Валентиновне. Она свою лампаду, возженную пред революционным идеалом, несла неугасимо с 70-х годов XIX века по 30-е XX. Когда я встречался с нею, мне стоило лишь отвернуться, чтобы не видеть седых волос и старого лица, и я слышал опять, полвека спустя, голос и речи милых приятельниц моей ранней гимназической и первостуденческой юности, этих Евлалий Ратомских, Рахилей Лангзаммер, Клавдий Мутузовых, мечтательных революционерок - и идеалисток, которых типическую память я пытался сохранить в своих "Восьмидесятниках". А впрочем, Марья